

Наполеон - Робеспьер (Стратиевская) - Часть 2

ЦЕЗАРЬ И РОБЕСПЬЕР; ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ

В силу неприятия самодовольства ни в себе, ни в других, Робеспьеру очень трудно работать в шоу-бизнесе, И ещё труднее быть популярным и удерживать популярность, добившись славы и успешности. Просто потому, что бывает невыносимо трудно прыгать по сцене со счастливо-самодовольным видом, чувствуя себя крайне глупо и неловко среди таких же глупо-самодовольных (по долгу службы), которые, в отличие от него от души радуются своему успеху и с искренней самоуверенностью по и самодовольством пожинают плоды своей заслуженной (или незаслуженной) славы. В то время, как он, чувствуя себя среди них "чужеродным элементом", вынужден по долгу службы изображать искреннюю радость и удовольствие от своего пребывания на сцене перед толпой, ждущей от него искрящегося веселья и жаждущей "зажигательной подпитки", в то время как у него самого, по его суггестивной этике эмоций (+ч.э.5) этой подпитки даже на себя не хватает. (Хорошо бы кто-нибудь его самого подпитал эмоционально, чтобы самому зарядиться искрящимся весельем прежде, чем придётся разряжать то немного, что осталось, на толпу, жаждущую ярких впечатлений и праздника.

Дина (ЛИИ, Робеспьер), артистка балета театра музыкальной комедии.

Мне и семи лет не было, когда меня привели в хореографическую студию. Маме очень хотелось, чтобы я стала балериной. Ну, а дальше всё пошло, как по плану: училище, распределение в театр. Здесь я работаю уже больше десяти лет. Нельзя сказать, чтобы мне это не нравилось. Я пришла в этот театр, как в храм веселья, чтобы быть частицей всеобщей радости. Сама я — человек не очень весёлый, поэтому мне бывает трудно настраиваться перед спектаклем. Я понимаю, что должна дарить людям радость, но во мне самой её не очень много. Я стараюсь найти в себе, в глубине души, искру радости, потом уже раздуваю из неё фейерверк. И с этим фейерверком выхожу на сцену, стараюсь донести его людям. И так, каждый день..."

10. НА ПИКЕ ПОПУЛЯРНОСТИ

Робеспьеру трудно работать изо дня в день этакой "птицей счастья", распускающей на сцене пышные перья и зажигающей своим шиком и блеском толпу, понимая, что для неё он является сейчас олицетворением успеха и счастья. И значит обязан безмятежно и счастливо улыбаться, как человек, который находится на пике веселья и радости и будет пребывать в этом состоянии пожизненно, как если бы у него впереди была бесконечно долгая и счастливая жизнь, заполненная радостью ежедневных успехов и побед, — яркая и красочная как огни на этой сцене. Робеспьер не может пожизненно (или, даже сравнительно недолгий срок) работать эталоном глупого самодовольства, этакой бабочкой - однодневкой — "красоткой кабаре, созданной лишь для

развлеченья", — все это слишком чуждо его натуре, слишком глубоко противоречит его программе, не терпящей самоуверенности и самодовольства в ком бы то ни было — ни в других, ни в себе самом.

Вечное недовольство собой — вот его кредо, позволяющее ему интеллектуально развиваться, творчески расти. А с вечным недовольством собой (особенно, если оно отражается на лице), нечего делать в шоу-бизнесе, где оно (в виде кислой улыбки, обиженного выражения хмурых, неулыбчивых глаз) попадает в кадр крупным планом.

Победить на конкурсе — это ещё полбеды (в конце концов, "и мы хотим жить и летать!"), трудно удержаться среди победителей, когда внутренний голос тебе (время от времени) говорит: "Слушай, что ты здесь делаешь среди этих чванливых гусынь и глупых, напыщенных павлинов? Что ты здесь забыл, чего ты от них ждёшь? Они смогут тебя понять? Смогут тебе поверить? В лучшем случае, подойдут в антракте и скажут: "Опять отработал номер в полсилы! Танцевал в полноги, улыбался так, словно лимон проглотил!.."

Одно дело, когда он сам понимает, что занимает чужое место, другое — когда ему об этом говорят сослуживцы. (А это уже грозит "вытеснением из системы". Это значит, что кому-то здесь он уже намозолил глаза. И если он не примет экстренных мер, не приведёт в движение нужные механизмы, контракт на будущий год с ним могут и не продлить.)

Интриговать и требовать справедливости проще, чем изобразить улыбку на неулыбчивом лице. Но желание утереть нос другим, доказать, что "мы тоже не лыком шиты", может преобладать над всеми обидами. (И оказывается не самым худшим выходом из положения.) Возникает идея расширить горизонты своих возможностей — куда другие, туда и он. (А чем он хуже других?) И вот он уже гоняется за популярностью, наступая другим на пятки, он уже не только поёт и танцует на сцене, он уже и на "Поле Чудес" и в проекте "Танцы на льду". И чем шире размахивается, чем ярче затмевает, чем больше доказывает себе и другим, что он - то как раз тут на своём месте — всемерно успешный, не оставляющий шансов другим, тем больше изменяет своей программе, тем хуже себя чувствует, тем чаще ощущает себя игрушкой в руках судьбы, кораблём, захваченным бурной стихией. Ссылки на продюсеров, которые всего этого от него требуют для "раскрутки популярности", его уже мало утешают. Он "попал" — круто он попал на это "TV", желая соревноваться и соперничать с кем-то в блеске и популярности, чувствуя себя рядом с этими "зубрами" от шоу-бизнеса мышонком, который тягается в дородстве с волком, — маленькой, серой мышкой, которая случайно попала на карнавал, на чужой праздник, нарядилась в чужой костюм, а теперь только о том и думает, как бы её на сцене не затоптали. И всё чаще он задумывается о том, что и сам себя где-то там "затоптал" на сцене. Растерял среди всех этих перьев и блёсток свою истинную сущность, своё жизненное кредо: "Я мыслю, значит я существую". Теперь за него думает режиссёр, а ему мыслить по долгу службы не полагается. Он должен безоговорочно подчиняться чужому замыслу и быть марионеткой при множестве кукловодов. Нельзя сказать, чтоб ему это нравилось.

В то время как Цезарь (да, чего там, — все они в третьей квадре такие!) в мире свободной, творческой конкуренции чувствует себя в своей стихии. Вено берёт его "на слабо", втягивает в какие-то соревнования, хвастается своими успехами, заставляет с собой соперничать, не считаясь с его возможностями и желанием. Робеспьер втягивается в эту игру по чужим правилам, в эту гонку, где как ни старайся а Цезаря ни затмить, ни превзойти не удаётся. Он уже и проклинает себя за то, что "повёлся", и чувствует себя несчастным, из-за того, что втянулся, завёлся, и ничего уже изменить не может: встал на конвейер, теперь уже не соскочишь, — надо двигаться туда же куда и все. А с другой стороны, при его доминирующей логике соотношений (-б.л.1) и творческой интуиции потенциальных возможностей (+ч.с.2) он и не мог, и не имел право поступать иначе, — это было бы предательством перед самим собой. Если есть талант, его надо реализовать, — таланты нельзя зарывать в землю. Их, как и возможности, надо реализовывать. А тем более, если это помогает восстановить справедливость ("мы тоже не из последних, можем побеждать, когда захотим!")

И вот он опять мобилизовал свои силы (+ч.с.4), и поднатужился, блеснул талантами и победил. И попал в среду, которая не является его стихией. Попал в условия, которые не являются для него благоприятными, попал в бутафорский цех, где из него фабрикуют нечто противное его программе, но глубоко употребительное для жаждущей горячительной подпитки толпы. А выходить на сцену и чувствовать, что тебя потребляют — это ужасно! Приходить на работу и чувствовать себя марионеткой, которую режиссёр и хореограф двигают туда - сюда беспорядочно, бездумно бессмысленно — ещё хуже.

(Одна девушка - Робеспьер в проходила кастинг на участие в мюзикле, поступала на работу в вокально - танцевальную группу театра. Спела она хорошо (не хуже других), но когда её допустили к танцевальному конкурсу, начались проблемы. Всех девушек построили на сцене в шахматном порядке и заставили танцевать канкан на выносливость: кто первый начнёт танцевать в неполную ногу — покидает сцену. ЛИИ держалась очень долго, но состязаться с другими ей было трудно. И, чувствуя, что начинает уставать, она попыталась спрятаться за спину другой девушки. Режиссёр это моментально заметил и накричал на неё: "Вы! Да, вот вы, которая прячется за чужую спину, — вон отсюда! И чтобы духу вашего здесь не было! Те, кто прячутся за чужие спины, нам здесь не нужны!" И она покинула сцену в слезах. Для неё это было трагедией, потому, что она уже сделала ставку на успешную карьеру в шоу-бизнесе. И потому, что посчитала себя способной для этого и затратила на обучение огромное количество средств. И потому, что очень хочется жить красиво и ярко — хочется восстановить справедливость. А то, что же это, — одним всё, другим — ничего?!

В условиях свободной и жестокой конкуренции Робеспьер чувствует себя очень плохо. (Это вам не строго системные отношения, где все обязаны идти вровень, а всякий вырывающийся вперёд, считается нарушителем и покидает строй, чтобы других не смущать.). В условиях конкурса Робеспьер чувствует себя не лучшим образом, но держится с достоинством (и даже несколько вызывающе), стараясь доказать, что и он соответствует заданным требованиям.

Конкурс (в условиях свободной конкуренции) — состязание честное (как правило). На конкурс Робеспьер выходит. И часто побеждает, хотя стоит это ему невероятных усилий. А дальше начинается такое, что лучше бы и не побеждал. И вот этого уже Цезарь не понимает. Работая с Робеспьером в одном коллективе (в одной группе, в одной команде), видя и чувствуя, что он и себя своим нескрываемым унынием топит (и не где - нибудь на репетиции, а на выступлении), и всю группу (команду) заваливает. Всю работу заваливают, даже если ему разрешают выступить с сольным номером (когда он, "восстанавливая справедливость", убеждая всех, что способен на это и достоин). Но чем больше он воюет за свои права, тем больше волнуется перед выступлением (понимая, как для него это важно), выходит на сцену с жестоким и мстительным выражением лица, с явным намерением взять реванш и отторгает от себя зрителя моментально.

А когда ещё и режиссёр видит всё это в видеозаписи, когда собраты кричат: "Непонятно, зачем это нужно было делать? Не умеешь, не берись... Вот так, взять и провалить всю программу..." И первым, конечно, больше всех возмущается Цезарь: "Зачем ей вообще это доверили?! Дали бы мне!.. Уж, я бы..."

Цезарь жестоко мстит тем, кто пытается помешать его успеху, срывает его планы, подготовленное им эффектное выступление.

Одна, изгнанная из ансамбля (своей конкуренткой - Цезарем) солистка (ЭСИ, Драйзер) невольно подставила весь ансамбль под провал тем, что не боролась за своё право выступать вместе с ними, а, подчиняясь их давлению, преспокойно ушла, предоставив им справляться собственными силами. (Она одна могла петь живым звуком, а остальные только открывали рты под фонограмму и подголосок). Техника на ту пору была несовершенна, но девушки решили рискнуть и обойтись без ЭСИ, будучи уверенны, что фонограмма их выручит. Вышли на сцену, солистка Цезарь запела голосом ЭСИ, и тут фонограмму заело, звук поплыл... Публика их освистала. А через день СЭЭ и её подруги попытались расправиться с "предательницей" ЭСИ. Подстерегли её на площадке и попытались сбросить в лестничный пролёт с четвёртого этажа. Вчетвером пытались её спихнуть вниз, но это им, к счастью, не удалось: ЭСИ уцепилась за решётку, и они не смогли (вчетвером!) её отцепить. Несколько минут они с ней возились, пыхтели, сопели, отдирали её пальцы, спихивали, отпихивали (это у них было "вытеснение из системы" такое — прямиком за борт!). Девушек остановили привлечённые шумом соседи. Но Цезарь и здесь не растерялась и обратила этот эпизод в шутку. ("Мы играем!") Вместе с подругами она вытащила ЭСИ из пролёта на лестницу, хлопнула её по плечу и сказала: "А ты, оказывается, сильная! Жить хочешь, да?.. Ну, молодец!..". На этом инцидент был исчерпан...

11. ЦЕЗАРЬ И РОБЕСПЬЕР; ВЫТЕСНЕНИЕ ИЗ СИСТЕМЫ

Цезарь нередко склонен переоценивать свои способности. (+ч.и.). И далеко не всегда строит творческие планы в соответствии с ними. Часто (особенно в молодости) занимается тем, к чему не имеет призвания. Как иррационал, он иногда подолгу ищет себя в разных направлениях, прежде чем находит себе занятие по душе. А до тех пор —

действует как Незнайка в Цветочном городе: то с одним проектом эффектно выступит, то с другим (то музыкантом станет, то художником, то поэтом...) Главное, — заявить о себе! А результаты и качество работы можно по-разному оценивать: сколько людей, столько мнений. Цезарь признаёт только своё.

Желание славы, стремление к превосходству и первенству сопутствуют ему всегда и во всём.. О своих успехах Цезарь может трубить на каждом углу, даже если его мнение не находит сторонников. Для достижения цели он готов преодолевать любые препятствия и использовать любые средства. Может использовать чужой труд, приписывать себе чужое авторство (даже делать гениальные вариации на чужой сюжет). Волевой произвол также является составляющей его программной волевой сенсорики (+ч.с.1) и допускает вытеснение из системы "в интересах дела", в интересах личной выгоды, "доброй воли", "добрых побуждений", или просто потому, что "так надо было". Цезарь вытесняет всех, кто ему мешает добиться цели, кто его затмевает, кажется ему слабым или ненужным звеном.

А для Робеспьера нет ничего страшнее, чем чувствовать себя "лишним элементом в системе", опасаться неминуемого вытеснения и слышать в свой адрес: "Вон отсюда, и чтобы духу твоего здесь не было!"

Робеспьер жестоко сопротивляется любому вытеснению, вне зависимости от того, прав он, или нет. Любое вытеснение из системы — для него удар по программной демократичной логике соотношений -б.л.1). Поэтому, его не так-то легко вытеснить из системы. Робеспьер — упрямый - системный логик- статик -стратег-субъективист. Он не уступчив (ни в коей мере!) и вытеснять (без боя и сопротивления) себя из системы никому не позволяет.

Но, зная по себе, как это больно (особенно, для квестимов, с их "горизонтальным" вытеснением из системы ("вылетом за борт"), по демократичной логике соотношений -б.л.), Робеспьер (как стратег, предпочитающий лучше нападать, чем защищаться и как программный системный логик) часто пользуется этим приёмом для вытеснения своих реальных и потенциальных конкурентов. (Деклатима он этим, хоть и глубоко, ранит, но не оттеснит. Деклатим, убеждённый в своём праве занимать подобающее ему место в системе (а такую уверенность ему придаёт присутствующая в его модели иерархическая логика соотношений (+б.л.), применяет тактику запугивания: упрётся ногами в пол, сожмёт кулаки и набычится, как только начинают его оттеснять.) А сомневающегося в своём праве (по -б.л.) квестима (даже аристократа) этой хлёткой и оскорбительной фразой Робеспьер буквально сбивает с ног. Причём, так глубоко ранит, что обиженный им квестим потом долго не забывает и не прощает этого оскорбления, а сам Робеспьер в его лице наживает злейшего, а иногда и пожизненного врага.

Цезарь — квестим. Он и сам не прощает оскорбительных намёков, мстительной злобы и зависти Робеспьера, и в извечной погоне за успехом и "птицей счастья завтрашнего дня", кажется Робеспьеру врагом номер один — "дьяволом - искусителем", ловцом человеческих душ, втягивающим людей в опасные предприятия, споры, соревнования, в

опасные игры с судьбой. (Разве может быть что - то хуже этого? Разве это не враг? — конечно, враг: гнать таких надо в три шеи, чтобы не смущали и не искушали нормальных людей, чтобы не сбивали их с толку посулами и похвальбой. Чтобы рассказами о собственных лёгких успехах, не вводили их в заблуждение, не помрачали рассудок, не замутняли им разум, который всегда должен быть светел и чист.)

После того, как "враг номер один" выявлен и классифицирован во всех своих свойствах и проявлениях, определён и систематизирован во всех ракурсах как вредный и чужеродный элемент, принимается решение: систему (группу, коллектив) следует от него очистить.

Отсюда — жуткая, непримиримая ненависть ко всем удачливым и успешным "выскачкам" в коллективах. И в первую очередь к тем, кто не только наслаждается своими успехами и счастьем, но ещё и во всеуслышанье трубит об этом.

А этим очаровательным свойством в наибольшей степени наделён именно Цезарь.

И вот уже все, кто мало - мальски похож на Цезаря, "виноваты" в глазах Робеспьера тем, что берут с него дурной пример.

Кто - то виноват в том, что похож на Цезаря своей экстраверсией — такой же шумный и неуёмный оптимист, чью деловую инициативу неплохо было бы пригасить. Кто - то "виноват" этикой отношений, кто — волевой сенсорикой, кто - то просто успешными деловыми качествами и прагматизмом.

Все "виноватые" узнают себя в критических замечаниях Робеспьера как в кривом зеркале: недостатки выпирают со всех сторон и кажутся неприемлемыми и нетерпимыми. А сам "ревизор - зеркальщик" Всея Социона ходит и гневно указывает на них, раздражаясь и покрываясь от ненависти красно - белыми пятнами. А потом указывает на дверь и говорит виноватому: "Вон!", оставаясь в конечном итоге наедине с самим собой и своим печальным отражением в зеркале: чистка завершена, теперь можно полюбоваться и результатом.

Результат оказывается неутешительным как для изгнанных, так и для того, кто изгнал и остался теперь наедине с самими собой и своими мыслями в тщетной попытке найти ответ на вопрос: "Что я сделал не так? В чём допустил ошибку? Что оказалось неправильным?". Возникает желание найти ошибку в системе, чтобы потом её перепроверить и решить, можно её исправить, или нет? И имеет ли смысл её исправлять? А может, лучше найти "виноватого" и всё на него списать?

Как упрямый системный логик - субъективист Робеспьер решит, что ошибку системы не выгодно признавать вообще, если это противоречит интересам системы. Но если он решит защищать свою субъективную точку зрения, тогда виноватой придётся признать противоположную систему соотношений. Можно, например, сказать, что в шоу - бизнесе всё устроено несправедливо и неправильно: при таких условиях бездарные выскачки плодятся как грибы после дождя, а талантливые люди не могут реализовать в полной

мере свой творческий потенциал. А потом предложить: "Пусть одни танцуют, а другие — поют. Но только обязательно, живым звуком, а не под фонограмму..." и обижаться, услышав в ответ: "Хочешь петь наравне со всеми, живым звуком и не под фонограмму? да ещё и не танцевать при этом? — так иди в академический хор, а не в шоу-бизнес! Хочешь блистать, не будучи солистом, хочешь выделяться, оставаясь неприметным, наравне со всеми? — Извини, дорогой, так не бывает! Ты уж выбери для себя что - то одно, прежде, чем подступать к другим со своими противоречивыми требованиями и претензиями. Ты уж определись как - нибудь сам для себя. Потому, что несправедливо требовать от других того, что не можешь хотя бы нормативно упорядочить, уравновесить и скоординировать для себя сам. И уж тем более несправедливо критиковать тех, кто нормативно завышает для себя планку возможностей и успешно реализует их, в то время как сам критик пытается их занизить и усреднить".

12. "ГУЛЛИВЕР" В СТРАНЕ "ЛИЛИПУТОВ"

В системных ограничениях Робеспьера, ратующего за усреднение и понижение нормативов реализации творческого потенциала Цезарь, привыкший работать с полной отдачей и прикладывать максимум усилий к каждой работе (а особенно к той, которая его творчески увлекает и захватывает), чувствует себя как Гулливер в стране лилипутов, связанный по рукам и ногам бесчисленным множеством ниточек-паутинок, сковывающих его действия, движения, активность, творческий порыв, творческую инициативу.

Со своей стороны и Робеспьер, рядом с одарённым, чрезвычайно активным и работоспособным Цезарем, чувствует себя не на высоте. И действует соответственно: работает как стратег, — собирает мнения, ведёт информационную войну, действует от лица "недовольных", выражает от их лица своё личное мнение ("мнение коллектива"), устраивает конфликтёру коллективную травлю, круговой бойкот, которую Цезарь ещё долго пытается игнорировать: старается намеренно его не замечать, чтобы, все эти отношения негативно не отразились на результатах его работы. На что Робеспьер, в свою очередь, усиливает давление со своей стороны и объединяет против Цезаря всё "ядро коллектива" — всех "обиженных и униженных" завистников, ощущающих ограниченность своих сил и возможностей, и с их помощью, при их поддержке вводит ужесточает ограничительные меры, ещё более сковывающие деловую и творческую инициативу СЭЭ Цезаря, заставляя его либо отказаться от своих творческих планов и работать "как все", либо покинуть систему (учреждение, коллектив) в силу невозможности завершить в сложившихся условиях начатое дело. Одновременно с этим, ЛИИ психологическим террором, угрозами, откровенным бойкотом и ужесточёнными мерами, — вспышками ярости, гнева и нескрываемого раздражения будет вытеснять Цезаря из коллектива, говоря в открытую: "Если хотите работать по своим правилам, уходите отсюда! Устраивайте себе своё предприятие! А у нас вы будет работать как все!"

Тема вытеснения, изгнания из рядов коллектива озвучивается Робеспьером наиболее часто, а в отношении Цезаря — особенно! ("Вон отсюда! Таким как вы здесь не место!")

Гулливеру не место в стране лилипутов. И в коллективе, направляемом Робеспьером, Цезарь это чувствует повсеместно. Когда злоба и зависть буквально висят в воздухе, а от бесконечного множества язвительных замечаний ощущение такое, словно он попал в болото и бесчисленное множество пиявок одновременно впилось в его тело. Облепили со всех сторон и некуда от них деваться. Разве только действительно сбежать, куда подальше, пока эти злобные, источающие яд существа не разбухли до размеров гигантских змей и не напали на него, подползая со всех сторон с единственной целью побольнее ужалить, насмерть уязвить, сокрушить, сразить, умертвить.

Цезарю действительно становится страшно. Он чувствует, что на него идёт, поднимается какая-то страшная, тёмная сила, от которой спасения нет и не будет. Даже, если он сейчас отступит, убежит, спрячется куда подальше (хотя отступать не в его правилах) это страшный, гнетущий образ будет его ещё долго преследовать.

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)